
НАДЕЖДА СОКОЛОВА
ВЛАДЕЛИЦА
БЕЛЫХ ХОЛМОВ

Надежда Игоревна Соколова

Владелица Белых Холмов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72989067
SelfPub; 2025

Аннотация

Я – попаданка с Земли в магический мир. Занимаюсь разведением редких животных, охраняю рубежи империи. Мне 42. Я давно поставила крест на своей личной жизни. Только работа. И жизнь в одиночестве в своем замке. Я была уверена, что так и помру старой девой. Вот только у судьбы были на меня другие планы.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 13
Глава 3 24
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Надежда Соколова
Владелица Белых Холмов

Глава 1

«Мир Гарнартар, что в переводе означает «Дыхание богини», был создан как подарок бога всего сущего Лотрия своей супруге, богине любви и домашнего очага, Орнаре, – читала я, сидя в кресле у разожженного камина. За окном была метель – сыпал снег, завывал ветер. Здесь же, в замке, в книгохранилище, было тепло и уютно. – Лотрий соткал его из первозданного эфира и тишины, что была до времени. Руки его двигались неторопливо, как у мастера за станком, где вместо нитей – сама потенция бытия. Каждое движение рождало отзвук: глухой гул – где должен был подняться материк, тонкий, едва уловимый звон – где раскинутся пустоты будущих морей. Он собрал в пригоршни, сложенные чашей, мерцающие пылинки далеких звезд, холодные и молчаливые, и рассеял их в бездне, словно сеятель. Там, где они падали, загорались солнца: сначала робкой искрой, затем – уверенным, яростным пожаром, вокруг которого начинали кружиться, повинуясь незримому ритму, комья темной и светлой материи.

Он провел пальцем по холсту пустоты, и его следы, изви-

листые и серебристые, стали не просто линиями света. Это были русла для времени, по которым оно потечет, как вода. Они затвердели в причудливых петлях великих рек и в нежных очертаниях долин, храня отпечаток божественной мысли. Из темной, податливой глины небытия, взятой из самых глубин хаоса, Он вылепил горные хребты. Каждую складку, каждый уступ Он формовал с вниманием ваятеля, вдохнув в камень не просто массу, а величавое стремление к небу, внутреннюю тягу, которая будет гнать ввысь даже травинку у подножия.

И вот мир был готов: прекрасный, безупречный в своих симметричных пропорциях, холодный и чистый, как кристаллическая решетка. В нем не шелестел лист, не журчала вода, не колыхался воздух. Не было в нем ни звука, ни шепота, ни биения сердца. Он был идеальной гробницей, сияющей в пустоте.

Тогда Орнара приблизилась к творению супруга. Она не стала изменять его форм, ибо видели они ей совершенными. Она обошла его медленно, и теплом своего взгляда, полного сострадания к безжизненной красоте, растопила вечный иней на каменных громадах. Иней не просто исчез – он превратился в росу, а роса – в первые живые воды, которые с тихим плачем, будто пробуждаясь, потекли по склонам, сливаясь в ручьи. Она наклонилась к холодной, гладкой почве, и там, куда падали слезы умиления с ее ресниц – теплые, соленые, как сама жизнь, – земля содрогнулась. Из трещин про-

клюнулись нежные ростки, обернутые в бархатные листья, каждый из которых хранил в своих жилках память о божественной грусти.

Но главное чудо было впереди. Отойдя в сторону, Орнара собрала в груди не просто тепло. Она собрала тихую песню колыбельной, которую никогда не пела; терпкий вкус первой любви; мучительную нежность к тому, что может умереть; тихую радость уюта очага; боль разлуки и ликующий восторг встречи. Всю палитру чувств, что только может вместить сердце. Она сложила губы трубочкой и мягко, как дуют на одуванчик, желая увидеть разлетающиеся парашютики, или на затухающую свечу, чтобы подарить ей последнее мгновение сияния, – дунула на мир.

Это не был ураган. Это было Дыхание. Тихий, теплый поток, заряженный самой сутью жизни. Он пронесся над ледяными пустынями, и они, вздрогнув, покрылись коврами мхов и лишайников – существ упрямых и неторопливых, готовых выстоять что угодно. Коснулось верхушек гор – и вечные снега заиграли изумрудными и серебристыми отсветами: ели и пихты впились корнями в камень, будто вцепляясь в саму вечность. Опустилось в долины – и там зашелестела трава, каждый стебелек которой тянулся к свету с немой мольбой; распустились цветы, не просто наполнив воздух ароматом, а раскрасив его оттенками запахов – сладких, горьких, пряных, нежных.

Дыхание проникло в глухую синеву океанов, и вода забур-

лила, породив не просто рыб. Оно породило саму идею движения в жидкости, зародило искру любопытства в первом существе, дрогнувшем плавником. Оно прошлось по суше – и из земли, с деревьев, из самих камней стали появляться существа. Они рождались не из плоти, а из понятий: Полет родил первую птицу, она сорвалась с ветви с ликующим криком. Терпение и сила, смешанные с травой, дали первого оленя. Хитрость и тень породили лису. И у каждого, от малого жука до великого медведя, в груди затеплилась крошечная искра того самого Дыхания – душа.

Мир вздохнул полной грудью впервые. Он зашумел, запел, зазвенел, запищал, зарычал тихим и громким голосом. И в этом первом, хаотическом хоре жизни уже звучала гармония – гармония взаимного удивления и общего ритма. А позже, когда жизнь укрепилась и пустила корни, само биение сердца Гарнартара, ровное и глубинное, как барабан великана, стало магнитом. В тонких местах реальности, там, где пение птиц складывалось в мелодию, а соки земли были особенно сладкими, ткань мироздания истончилась, открыв мерцающие, словно сквозь туман, окна в иные миры. Через эти межмировые порталы, ведомые зовом живого и прекрасного, как мотыльки на огонь, пришли разные расы… И не было им числа. Все они нашли здесь дом, согретый одним-единственным, полным любви дыханием богини».

Я оторвалась от страницы, дав последним словам раствориться в тихом потрескивании поленьев и мягком шелесте

пергамента под пальцами. За окном все так же кружилась метель, причудливыми узорами нарастая на свинцовом стекле, но теперь в ее завывании мне чудился отголосок того самого первого ветра – теплого, животворящего, полного жизни. Пряный запах старой бумаги, кожи переплетов и едва уловимой пыли смешивался с ароматом горящего ольхового полена.

Стук в дверь – резкий, торопливый, не в такт мирному ходу мыслей – вырвал меня из уютного оцепенения, где сплетались тепло камина, игравшее бликами на медных застежках фолиантов, и древние, мерные строки. Я даже вздрогнула, и тяжелая книга, выскользнув из ослабевших пальцев, чуть не соскользнула с колен на персидский ковер, смягчающий каждый шаг. Прежде чем я успела ответить, дверь дубовых панелей распахнулась, впустив резкую струю холодного воздуха из коридора и запыхавшуюся Лиру, мою младшую служанку. Ее обычно аккуратные светлые волосы выбивались из-под чепца, на щеках горел румянец от быстрого бега по лестницам, а глаза были круглыми от волнения.

– Сударыня! Ортанза… она… окотилась! Только что, в сенях, в корзинке у печи! – выпалила она, почти не дыша, слова спотыкаясь друг о друга. – Котятки… их трое. Старый Горон говорит, ваше присутствие сейчас необходимо. Чтобы приручить дух, пока глаза не открылись. Иначе…

Иначе инстинкты дикого лесного кошара, крови которого текла в жилах ее любимицы, возьмут верх над домашней лас-

кой, и потом с крошечными, но уже когтистыми хищниками будет не сладить. Мысль пронеслась молнией, холодной и четкой. Я отложила фолиант на резной придиванный столик, где рядом стояла остывающая чашка с травами, и поднялась с глубокого кресла, ощутив, как тепло платья из мягкой шерсти облегает меня, а стопы утопают в мягкой меховой оторочке домашних туфель. Никакой паники, только собранность, выверенная годами жизни в этом пограничном замке, где чудеса соседствовали с обыденностью.

– Идем, – сказала я коротко, кивнув Лире, и двинулась к двери, на ходу лишь накинув на плечи теплую накидку, висевшую на резной вешалке. За спиной оставалось тепло камина и история о первом дыхании, а впереди, внизу, в каменных недрах замка, ждало другое, маленькое и беззвучное чудо, тоже требовавшее участия.

Мы вышли из книгохранилища, и дубовая дверь с мягким, но окончательным стуком закрылась за нами, отсекая мир тишины, запечатанной в переплетах, и безмятежный свет настольной лампы. Теперь нас ждала совсем другая история, живая, требующая участия и немедленного решения. Шерстяное платье не шуршало, а лишь мягко обвивало ноги при быстром шаге, шелковистой тяжестью напоминая о своей защитной природе. Мои теплые туфли почти неслышно ступали по вытертым ковровым дорожкам, бегущим вдоль холодного, отполированного веками каменного пола. Лира, придерживая подол простого серого платья, семенила рядом,

её дыхание все ещё было частым от волнения и бега.

Мы миновали длинную галерею с рядами портретов предков, их строгие и усталые лица, написанные маслом, казалось, провожали нас в эту ночную вылазку из-под тяжелых золоченых рам. Потом свернули в узкий проход западного крыла, где переходы становились уже, лишенные ковров, а факелы в черных от копоти железных скобах горели неровно и ярче, отбрасывая пляшущие, рваные тени на грубые, неотесанные стены. Воздух здесь уже пахнул не воском, старой бумагой и ладаном, а дымом, прелым сеном, влажным камнем и чем-то диким, терпким, мускусным – неоспоримым запахом зверинца, живой плоти и инстинкта.

Звуки тоже изменились до неузнаваемости. Сквозь отдаленный свист и завывание метели за толстыми стенами теперь пробивалось беспокойное пофыркивание, перекатывающийся, хриплый рык, знакомый до боли, от которого всегда слегка замирало сердце. Это рычала Ортанза, моя красавица и гроза, мантикора с львиным телом цвета старого золота, с величественными, пока сложенными, орлиными крыльями и смертоносным скорпионьим хвостом. А теперь – еще и мать.

Мы спустились по узкой винтовой лестнице, ступени которой были истоптаны посередине, и вот перед нами встала тяжелая дубовая дверь, обитая полосами черненого железа, с крошечным зарешеченным окошком наверху. Из-под её щели струился слабый, теплый свет жирового светильника и доносился тот самый рык, теперь более ворчливый, утробный,

чем откровенно грозный. Я на мгновение задержала дыхание, положила ладонь на холодную, шершавую от времени железную скобу. За этой дверью был новый мир, только что родившийся, полный слепой силы и беззащитности. Мир из трех пар еще не открытых глаз, трех крошечных, горячих сердец, в которых уже бились и яростный инстинкт хищника, и хрупкая возможность доверия.

Я посмотрела на перепуганную, но полную решимости Лиру, кивнула, ощутив, как по спине пробегает холодок, не имеющий ничего общего с температурой в коридоре, и толкнула дверь. Теплый, густой, почти осязаемый воздух, напоенный запахом свежей соломы, медвяного молока, сладковатой крови и звериной шерсти, ударил мне в лицо. В дальнем углу просторной каменной клети, в устроенном ею же логове из мягкого сена и обрывков старых тканей, лежала Ортанза. Её могучее тело было изогнуто защитным кольцом вокруг трех шевелящихся, пищащих комочков. Она подняла на меня огромную, благородную голову, и в её янтарных, с вертикальными зрачками глазах, отражавших огонек светильника, светилась усталая, безмерная гордость и первобытная, настороженная осторожность. Я медленно выдохнула, сделав шаг внутрь и оставляя за порогом все – и завывание метели, и пыльные сказки в книге, и саму себя как просто хозяйку замка. Сейчас важнее всего было вот это тихое, сопящее копошение у неё под теплым боком.

– Здравствуй, мамаша, – тихо сказала я, и мои теплые

туфли бесшумно ступили на упругую, хрустящую солому. – Покажи мне своих деток. Дай нам познакомиться.

Глава 2

Я вошла медленно, держа ладони раскрытыми и видимыми, пальцы слегка согнуты, в жесте, лишенном какой-либо угрозы. Воздух в каменном помещении, согретый дыханием огромного зверя и жаром небольшого очага в дальнем углу, был теплым и густым, пропахшим пыльной соломой, сладковатым молоком и терпким, диким запахом самой Ортанзы – смесью сушеных трав, теплого меха и медного напряжения. Она следила за мной каждым волоском своей гривы, которая топорщилась легкой рябью, тело все еще было напряжено, как тетива, но хвост с ядовитым, сверкающим на кончике жалом лежал спокойно, тяжелым кольцом обвитый вокруг ее крупных, покрытых шрамами лап.

Я опустилась на колени в двух шагах от логова, позволив теплой, тяжелой шерсти платья мягко окутать меня, устроившись так, чтобы не возвышаться над ней. Солома хрустнула и прогнулась, приняв мой вес.

– Умница ты моя, сильная, – заговорила я тихим, напевным, почти колыбельным голосом, каким говорят с испуганными детьми и гордыми, ранимыми зверями. – Каких прекрасных деток ты нам подарила. Какая же ты молодец.

Я не смотрела прямо на котят, сосредоточив все свое внимание, весь фокус своего существа, на их матери. Медленно, будто двигаясь под водой, не делая резких движений, я про-

тянула руку, дав ей возможность увидеть каждую миллиметровую траекторию. Ортанза насторожилась, ее уши дрогнули, но через мгновение ее огромная, бархатистая морда, вся в мелких, почти невидимых шрамах от старых схваток, потянулась к моим пальцам. Она втянула воздух, раздувая влажные ноздри, запоминая мой запах – запах хозяйки, который ассоциировался с рубленой кониной в миске, с тихими вечерами, когда я сидела у решетки и читала вслух, с уверенными, спокойными руками, которые чесали за ушами в том самом труднодоступном месте, где сходится чешуя. Она тихо, с присвистом фыркнула, и ее горячее, влажное дыхание, пахнущее сырым мясом и травами, обожгло мне кожу. Затем она толкнула мою ладонь твердым, теплым носом, требуя ласки, настаивая.

Я засмеялась тихо, сдержанно, и принялась гладить ее могучую голову, скребя подушечками пальцев у основания коротких, изогнутых рогов, похожих на полированный черный камень, и за ушами, в густой, шелковистой шерсти. Она зажмурила свои янтарные глаза, и по ее телу, от холки до кончика хвоста, пробежала долгая, довольная дрожь, будто сбрасывая последние капли напряжения. Ее низкое, вибрационное рычание сменилось глубоким, грудным мурлыканьем, от которого дрожала солома под нами и отзывалась в моих собственных костях. Вот он, тот хрупкий мостик, момент полного, безоговорочного доверия.

Только тогда, с разрешения, данного этим урчанием, я

позволила себе скользнуть взглядом на них. Трое. Крошечные, каждый не больше взрослого лесного кота. Их шкурка была не сияющей золотистой, как у матери, а покрыта мягким, пушистым пушком песочного, почти кремового цвета с едва проступающими, словно нанесенными акварелью, дымчатыми полосками вдоль спинок. Крылышки, влажные и смятые, тонкие перепонки на которых просвечивали синеватыми жилками, прижимались к спинкам, словно сложенные, не расправленные парашюты. Хвостики с крошечными, еще мягкими и безвредными жалами беспомощно подергивались, пытаясь найти равновесие. Один, самый крупный и крепкий, тыкался тупой мордочкой в теплый бок матери, настойчиво ища сосок, толкая братьев в сторону. Другой, с более четкими темными пятнами на боках, спал, свернувшись тугой пружиной, его крошечные бока равномерно вздымались. Третий, самый маленький и светлый, почти белёсый, сидел чуть в стороне, неуклюже опираясь на растопыренные передние лапки с ясно видимыми, полупрозрачными коготочками, и смотрел в мою сторону распахнутыми, огромными глазами цвета незрелого, светлого меда, в которых плавала синева младенческой слепоты и глубокая, бездонная сосредоточенность.

Сердце мое сжалось от внезапной, почти болезненной нежности и горячей, тихой гордости. Гордости за Ортанзу, за ее выдержку и это щедрое доверие. Гордости за этих маленьких, беспомощных чудищ, в хрупких грудках которых

уже билась дикая, древняя, неукротимая жизнь самого Гарнартара.

– Можно? – прошептала я, больше спрашивая у мантикоры, чем у себя, обращаясь к ней на том языке интонаций, который она понимала.

Ортанза, не переставая мурлыкать, слегка толкнула мою руку мокрым носом в сторону котят. Это было ясное, недвусмысленное разрешение. Я задержала дыхание, ощущая, как собственное сердце стучит в висках, и медленно, бесконечно медленно, приблизила кончики пальцев к светлому, любопытному котенку. Он отпрянул, зашипев, но звук вышел скорее пищащим, похожим на шипение кипящего чайника. Его крошечные, но уже острые коготки выпустились, цепляясь за солому с сухим шелестом. Я не отдернула руку, а просто замерла, продолжая тихо говорить, напевать что-то бессловесное, успокаивающее.

– Ничего, ничего, малыш. Я своя. Я твоя. Ты же чувствуешь.

Запах моей руки, теперь пропитанный запахом его матери, смешался с голосом. Он насторожил маленький, розовый носик, с черными точками ноздрей, принюхался, и его усы-вибриссы дрогнули. Потом, движимое врожденным, неодолимым любопытством, пересилившим врожденный же страх, он сделал неуверенный, шаткий шажок вперед, пошатнулся и ткнулся холодным, влажным носом в мой указательный палец. Прохладно и невероятно мягко. Я пошевели-

ла пальцем, легонько, едва касаясь, провела им по его мордочке от переносицы ко лбу, ощущая под пальцами плюшевую текстуру пуха. Он замер, и его крошечное, теплое тельце дрогнуло. А потом, из глубины этой дрожи, родилось и вырвалось наружу тихое, жужжащее, словно от работающего крошечного механизма, мурчание, едва слышное поверх мощного гудения матери.

Это была победа. Маленькая и хрупкая, как первый лепесток, проклюнувшийся после зимы. Я ощутила, как по моей спине пробежали мурашки восторга и невероятного облегчения. Осторожно, двигаясь с преувеличенной плавностью, поддерживая всей ладонью, я приподняла его. Он был удивительно легким, как пушинка, но живым, пульсирующим теплым комочком жизни. Его крылышки, похожие на влажные листья, шевельнулись, цепляясь мягкими коготками за плотную шерсть моего платья. Я прижала его осторожно к груди, чувствуя, как его мурчание становится глубже, громче, доверчивее, отзываясь в моих ребрах.

Ортанза наблюдала за этим одним прищуренным глазом, и в ее огромном взгляде, казалось, читалось спокойное, почти ленивое одобрение. Она вылизывала другого, пятнистого котенка широким, шершавым языком, переворачивая его, не обращая больше на меня особого внимания, как на ставшую частью пейзажа. Я погладила светлого малыша за ушком, где только намечался будущий острый кончик хряща, и посадила его обратно, к теплому, пахнущему молоком мате-

ринскому соску. Он сразу же присосался, оттолкнув брата, и забыл обо всем на свете, уткнувшись в источник жизни.

Так, с бесконечным, медитативным терпением и лаской, растягивая время, я познакомилась с каждым из них, дав им обнюхать мои руки, запомнить биение моего пульса под кожей, ощутить мое прикосновение как нечто безопасное, постоянное и доброе. Я называла их про себя, отмечая особенности, запечатлевая в памяти: Настойчивый буян, тихоня Соня и светлоглазый Любопытный. В их крошечных, быстро бьющихся сердцах, рядом с древним инстинктом хищника, затаившимся в каждом мускуле, теперь закреплялась иная, новая истина: этот двуногий без когтей и крыльев – свой. Его запах – это запах тепла, безопасности, сытости и той самой любви, что когда-то вдохнула жизнь в безмолвный мир.

Когда я наконец поднялась, чтобы уйти, мышцы ног заныли от долгого неподвижного сидения на жесткой соломе, затекли, подавая колющие сигналы. На темной шерсти платья, на рукавах и коленях, остались светлые волокна пуха и прилипшие травинки, а от него исходил едва уловимый, сладкий, теплый молочный запах, смешанный с терпким духом зверя. Ортанза, уже наполовину задремавшая, лениво махнула на прощанье кончиком хвоста, даже не открыв глаз. А я уходила, притворив за собой тяжелую дверь, с чувством тихой, светлой, почти детской радости, переполнявшей грудь и согревавшей изнутри лучше любого камина. В этом замке, под глухой, непрекращающийся вой метели, мы только

что скрепили новый союз, не скрепленный печатями, но запечатленный в запахе и доверчивом касании. И мне невероятно радостно было сознавать, что я – не сторонний наблюдатель, а часть этой живой, дышащей, дивной и иногда пугающей истории.

Возвращение в свои покои после зверинца всегда было тонким, почти ритуальным переходом между мирами – из царства инстинкта и первозданной простоты в царство человеческого уюта и сложной, накопленной годами культуры. Лира, уже успокоившаяся и деловитая, помогла мне снять платье, пропахшее соломой, молоком и диким медом. Тяжелая ткань мягко соскользнула с плеч на узорный половик, унося с собой невидимые, но ощутимые следы только что пережитого живого чуда. Мы совершили привычный, успокаивающий ритуал очищения: теплое, пропитанное травами моющее полотно, снимающее с кожи не просто грязь, а впечатления; просторная, до пят, ночная рубашка из мягчайшей, воздушной шерсти, обволакивающая тело как облако; долгое, размеренное расчесывание волос, когда костяной гребень мерно скользит по прядям, распутывая не только их, но и мысли.

Я села на низкий табурет перед большим овальным зеркалом в старой, почерневшей от времени резной раме из ореха. Лира, поправив высокую свечу на туалетном столике, чтобы свет падал ровно, молча вышла, тихо щелкнув защелкой и оставив меня наедине с мерцающим отражением и потрес-

киванием огня.

Из глубины зазеркалья, слегка колеблемого пламенем свечи, на меня смотрела женщина, которой теперь не было и не могло быть на Земле. Ариадна Шартанская. Худая, даже изящная, но не хрупкая – в линиях ее тела чувствовалась скрытая упругость, привычка к движению и долгому сидению за книгами. Прямые, темно-каштановые волосы, отливающие в свете медью, с первой, робкой, но уже заметной проседью у висков, словно припорошенной инеем, падали тяжелой волной на плечи. Лицо – не гладкое девичье, но и не испещренное морщинами. Это было лицо с историей, написанной не годами, а переживаниями: легкие, лучистые морщинки у внешних уголков глаз, появившиеся не столько от возраста, сколько от привычки щуриться, разглядывая выцветшие строки древних манускриптов при тусклом свете. Губы, часто поджатые в сосредоточенности или легком скепсисе, сейчас были расслаблены, уголки их приподняты в тени усталой улыбки. И глаза. Все те же синие, «как зимнее небо перед снегопадом», как однажды сказал старый поэт, тщетно пытавшийся мне польстить. Но теперь в них жила глубина, тихая водоворотная глубина, которой не было у той двадцатилетней земной девчонки, растерянной и опустошенной, оставшейся одной в пустой, звонкой квартире с пыльными родительскими фотографиями на комоде.

Сорок два. Здесь, в этом мире с его суровыми нравами и короткими жизнями, это почти старость. Старая дева, хо-

зяйка глухого замка на отшибе империи, чудачка, что возится с опасными тварями и читает забытые книги, вместо того чтобы вести тонкие интриги при дворе и рожать наследников какому-нибудь седому графу. Иногда этот ярлык, этот шепот за спиной, жёг изнутри, как клеймо. Чаще – давал странную, горьковатую, но бесценную свободу. У меня не было обязательств перед угасшим родом или несуществующим мужем. Мои обязательства, тихие и добровольные, были перед вот этим: холодными камнями замка, его немногочисленными, преданными обитателями, своенравными животными в зверинце, редкими, хрупкими фолиантами в хранилище, которое было моим истинным убежищем.

Я провела тыльной стороной ладони по щеке. Кожа была прохладной, гладкой на ощупь. Внизу, под толстыми стенами, бушевала и выла метель, засыпая следы, а здесь, в высокой спальне с темными дубовыми балками на потолке, царила плотная, уютная тишина, нарушаемая лишь тихим потрескиванием поленьев в камине да редкими поскрипываниями старого дерева. Я была одна. Как и тогда, в той прошлой, почти призрачной жизни. Но какая разница в качестве, в самой сути этого одиночества! Там – это была леденящая пустота утраты, звонкая, давящая тишина вымершей квартиры, где каждый звук отдавался эхом. Здесь – это была насыщенная, дышащая, живая тишина ответственности и глубокого покоя. Я не просто существовала, убивая дни. Я хранила. Я приручала. Я вдыхала жизнь, как та богиня из

книги, пусть не в целый мир, а в свой маленький, отвоеванный у хаоса мирок.

Мне было сорок два. Я была Ариадна Шартанская. И сегодня я, всего лишь движением руки и тихим словом, подарила трем крошечным, ядовитым хищникам шанс увидеть в человеке не врага, не добычу, а друга. Это было не меньшее чудо, чем любое межмировое путешествие сквозь мерцающие порталы.

Погасив свечу длинным медным колпачком, я подошла к большему, свинцово-рамочному окну. В черном, как смоль, стекле, отражавшем только размытую фигуру в светлой рубашке и отсветы тлеющих углей в камине, не было видно бешеной пляски снега, лишь угадывалось ее слепое, неистовое движение по едва заметным косым линиям. Я положила лоб на холодное, почти ледяное стекло, позволив холоду проникнуть в кожу и прояснить мысли.

«Спите, малыши, – мысленно, но с силой, прошептала я в ночь, будто мое намерение могло просочиться сквозь камни. – Растите сильными и добрыми к своим. Этот мир, со всей его жестокостью и красотой, теперь и ваш».

И отправилась в широкую, глубинную постель, где груда нагретых кирпичами одеял и перина уже ждали, чтобы обнять, утонуть в них, согреть мою вечно холодную без этого тепла кожу. Одиночество было. Но оно больше не было пустым. Оно было наполнено, до самых краев, шелестом переворачиваемых страниц, запахом старого камня и воска,

доверчивым мурчанием мантикоры, заснеженным дыханием спящего за стенами леса и тихим, едва различимым биением трех новых, крошечных сердец где-то внизу.

Глава 3

Сон пришёл тяжёлый, вязкий, как мокрая, неподатливая глина, и затянул меня с головой, лишив воли и памяти о тепле постели.

Я снова была той. Той Ариадной, чьё отчество – Николаевна – всплывало в памяти лишь при заполнении официальных бумаг, и то с усилием. Мелким, безымянным винтиком, клерком в стеклянной, душной коробке офиса строительной фирмы «Прогресс». Воздух здесь был спёртым и вечным: он впитывал запах старого, подгоревшего кофе из пластиковых стаканчиков, едкую химическую пыль из вечно жужжащего принтера, сладковатый аромат чьего-то дешёвого парфюма и подспудный, въевшийся в стены запах тихого, будничного отчаяния.

Я сидела за своим стандартным столом, заваленным кипами смет и отчётов в потрёпанных, засаленных на углах папках синего и серого цвета. На мониторе с потускневшей матрицей мерцала бесконечная таблица с цифрами, которые не хотели сходиться, сколько ни бейся, оставляя после себя чувство глупой, унизительной несостоятельности. На запястье давил тугой ремешок дешёвых, но громких часов, их тиканье пробивалось сквозь общий гул и било по вискам. Я ощущала тошнотворную, песчаную усталость за глазами, будто в них действительно насыпали мелкого, колкого абразива. Это

была усталость не от работы, а от её полной, абсолютной экзистенциальной бесполезности. От осознания, что мой труд, мои часы и дни не создавали ничего живого, не лепили горы и не вдыхали жизнь в долины, а лишь передвигали виртуальные цифры с одной клетки на другую, чтобы какой-то невидимый акционер где-то стал чуть богаче, даже не зная моего имени.

Видение сменилось резко, как прыжок между кадрами плёнки. Теперь я стояла в длинной, еле движущейся очереди в супермаркете у дома, под ярким, безжалостным светом люминесцентных ламп. В моей пластиковой корзинке лежало унылое свидетельство бюджета: пакет гречки, самые дешёвые макароны в прозрачной упаковке, баночка тушёнки с отрывающейся этикеткой по акции и пачка чая «на развес». Я дотошно, украдкой пересчитывала мелочь в кошельке из искусственной кожи, чувствуя, как щёки и шея горят от внутреннего, едкого стыда. Позади меня кто-то громко, выразительно вздыхал, выражая нетерпение. Лямка моей старой, поношенной сумки врезалась в плечо тупой болью.

Потом – моя комната. Не спальня, а именно комната в старой «хрущёвке», панельной клетке. Узкая, как пенал, заставленная необходимым. Обои с блеклым, в пятнах, цветочным узором. Сквозь тонкие, как картон, стены доносились приглушённые звуки телевизора соседей и ссора чужой семьи, обрывки криков и плача. Я открывала холодильник с потрескавшимся уплотнителем – внутри почти пустота, лишь ба-

ночка с горчицей и пачка масла; светлая, пустая полка слепила глаза. Съедала тарелку безвкусных макарон, стоя у запотевшего окна, глядя на грязный, утоптанный снег во дворе и на мерцающие холодным светом окна других, таких же клетушек-аквариумов. Одиночество здесь было иным. Оно не было наполненной, дышащей тишиной замка. Оно было густым, липким, как несмываемая паутина. Оно звенело в ушах не содержательной тишиной, а зияющей пустотой не состоявшихся разговоров, эхом собственных шагов в пустом, проданном родительском доме, тяжким воздухом долгов и неоплаченных счетов.

И финал сна, всегда один и тот же, отточенный до мельчайших, болезненных деталей. Ночь. Гололёд, черневший на асфальте. Я иду с последней, перегруженной смены, под мышкой – тяжёлая папка с недоделанной работой на дом. Экономила на маршрутке, решая пройти две остановки пешком. Ноги ватные, не свои, от усталости, в голове – густой, непроглядный туман. Неуклюжие, на совсем стоптанной подошве дешёвые ботинки предательски скользят по неровной ледяной корке. Я спотыкаюсь о скрытый под снегом бордюрный камень. Падение было медленным, растянутым и совершенно неизбежным. Я видела, как мокрый, маслянистый асфальт, жёлтый от света уличного фонаря, летит мне навстречу. Не было страха, лишь глухое, почти облегчённое принятие, тихий выдох в мозгу: «Ну вот и всё. И это даже к лучшему».

Но вместо резкого удара – провал, падение в бездонную, немую пустоту. Вместо асфальта – вихрь из искр, сгустков света и чужих, незнакомых созвездий. Вместо боли – всепоглощающий, пронизывающий до костей холод иной реальности, которая разрывала мою старую, хрупкую оболочку на атомы, стирая Ариадну Николаевну с лица одной вселенной, чтобы швырнуть её в другую.

Я дёрнулась во сне всем телом и проснулась. Не с криком, а с резким, хриплым, глубоким вдохом, будто вынырнула из ледяной, почти схватившей её воды, и легкие спазмировали, хватая воздух.

Темнота, обступившая меня, была не враждебной, не давящей. Это была мягкая, бархатная, знакомая до каждой тени тьма моей спальни в замке. Под спиной чувствовался не продавленный диван с пружинами, бьющими в бок, а добротный, упругий матрас, набитый шерстью и сеном. Воздух, который я жадно глотала, пах не затхлостью, пылью и плесенью, а благородной древесиной старой мебели, пчелиным воском свечей и едва уловимым, успокаивающим дымком, еще витавшим от потухшего камина. За окном выла метель Гарнартара – песнь живого, могучего мира, а не тот тоскливый, завывающий в трубах ветер городской вьюги.

Я лежала неподвижно, прижав ладонь к груди, под тонкой шерстью рубашки, где бешено, как пойманная птица, стучало сердце. Не от страха перед падением. От шока контраста. От ясного, почти физического, обжигающего воспоми-

нания той липкой, беспросветной пустоты, из которой меня когда-то насильно выдернули и бросили сюда, в этот мир камня, снега и ответственности.

Я провела рукой по лицу, ощутив под пальцами знакомый рельеф. По твёрдой линии скулы, слегка заострившейся за годы, по влажным от холодного, липкого пота ресницам. В горле стоял комок, но не от слёз, а от того резкого перепада между двумя реальностями.

«Старая дева, – подумала я с горькой, беззвучной усмешкой, обращённой к той, прежней, бледной тени в офисе. – Хозяйка. Чудачка. Колдунья, как зовут за спиной некоторые из деревенских, когда думают, что я не слышу».

Лучше быть старой девой в мире, где можно приручать мантикор и читать книги о рождении вселенных, чем вечно молодой и невидимой тенью в мире, где твой главный жизненный подвиг – не споткнуться по дороге домой и не пролить на себя дешёвый кофе.

Я натянула тяжёлое, шерстяное одеяло до самого подбородка, слушая, как завывает и бьётся в стены ветер. Этот звук уже был родным, почти убаюкивающим. Он был суровой, но честной песней этого мира, его легочным дыханием. Мира, который я, вопреки логике, вопреки ностальгии по электрическому свету и горячей воде из крана, научилась считать своим единственным и настоящим домом.

После завтрака – простого, из овсяной каши с мёдом и зимних яблок – когда я еще неспешно допивала вторую чаш-

ку травяного чая с чабрецом в пустом, высоком обеденном зале, растягивая редкие минуты утреннего спокойствия, в дверь постучали. Не лёгкий, почтительный стук служанки, а твёрдый, уверенный, нагловатый удар костяшками в массивное дубовое полотно главного входа. Звук разнёсся по залу, как выстрел. Я вздохнула, отставила фарфоровую чашку с лёгким звоном. Спокойное, туманное утро закончилось, отступив перед натиском внешнего мира.

На пороге, в обрамлении тяжёлых створок, стояли двое. Молодые, красивые, как отполированные монеты, в дорогих, но слегка помятых долгой дорогой плащах из тёмно-синего сукна, отороченных рыжим лисьим мехом. Их щеки горели румянцем от мороза, а в глазах – светлых, ясных – плескался тот особый, узнаваемый блеск: смесь врождённой скуки, охотничьего задора и безмятежной глупости, которую можно встретить только у очень знатных, очень богатых и очень праздных юнцов, ищущих острых впечатлений между пирами и балами.

– Леди Ариадна Шартанская? – произнёс тот, что был повыше и строже, с аккуратными, подкрученными усиками над чувственным ртом. Его голос звучал привычно, как будто он всегда получал то, что хотел. – Мы слышали, вы содержите редких тварей. Нам нужен таргнийский лев. Для… украшения интерьера нашего нового охотничьего домика. И для забав.

«Для забав». Слова, обронённые с лёгкой, небрежной

улыбкой, повисли в морозном воздухе прихожей, смешавшись с паром от их дыхания. Я знала этот тип с первого взгляда. Им нужен был не зверь, а живой, дышащий, опасный трофей. Чтобы похвастаться перед друзьями, чтобы пощекотать нервы, поднося к клетке бокал вина, чтобы потом, когда зверь надоест или покалечит кого-то из прислуги, прикончить его на организованной потешной охоте, не запачкав собственных рук.

Холодная, сосущая волна прошла у меня по спине, но на лице у меня отработалась лишь вежливая, отстранённая, почти ледяная улыбка хозяйки, принимающей деловое предложение.

– Таргнийские львы – не предмет интерьера, мессиры. Они – живые существа, требующие особого обращения, пространства и диеты. И, как следствие, особой цены, – мой голос прозвучал ровно, спокойно и гладко, как первый, ещё тонкий лёд на лесном пруду.

Они оживились, обменявшись быстрыми взглядами. Цена их не пугала, а лишь раззадоривала, превращая покупку в ещё более интересную авантюру. После краткого, полного скрытого пренебрежения и снисходительного торга, где они явно считали меня чудаковатой затворницей, легко соглашающейся на золото, сумма была названа. Она была более чем щедрой, даже необоснованно высокой. На эти деньги можно было содержать весь зверинец полгода, закупить лекарств и утеплить зимние вольеры. Я медленно кивнула, скрывая

внутреннюю дрожь отвращения.

– Хорошо. У меня есть три особи. Два взрослых самца в расцвете сил и одна молодая самка, недавно отделённая от матери. Ей около года. Она… не обучена.

Они переглянулись. В их взгляде мелькнуло разочарование, словно им предложили щенка вместо волкодава. Им хотелось громадного, гривастого монстра, символа мощи, которого можно было бы выставить напоказ.

– Молодая? Она… впечатляюща? Способна произвести эффект? – спросил второй, пониже и плотнее, с пухлыми, розовыми щеками.

– Она на треть меньше взрослого самца, но быстрее, агрессивнее и непредсказуемее в разы, – ответила я, глядя им прямо в глаза, не мигая. – Взрослые львы расчетливы, они экономят силы. Молодая – вся порыв, вся ярость. Она будет бросаться на прутья клетки при каждом вашем приближении, будет часами выть, скрежетать клыками, будет пытаться ухватить когтем за плащ или рукав, если вы подойдете слишком близко. Для ваших… «забав» она подходит куда больше. Она обеспечит вам постоянные, очень острые ощущения. Надолго ли – уже вопрос вашей личной осмотрительности и толщины прутьев.

Я говорила это без тени эмоций, как констатацию факта, как охотовед, описывающий породу собак. И я видела, как в их глазах, сначала скучающих, загорелся именно тот, ожидаемый мною огонёк азарта. Им нужна была не просто

опасность, а опасность буйная, демонстративная, эффектная. Молодая, необузданная львица идеально вписывалась в их дурацкий, жестокий сценарий.

– Показывайте, – почти одновременно, с новым интересом, выпалили они.

Мы вышли во внутренний двор, засыпанный чистым, хрустящим снегом. Воздух был колючим и прозрачным от трескучего мороза. Я, не оборачиваясь, повела их по протоптанной тропинке к низким, мощным каменным загонам в дальнем конце, за конюшнями. В первом, самом большом, на искусственном каменном выступе лениво грелся на слабом зимнем солнце старый самец, Шерхан. Его густая, тёмно-золотая грива лежала, как царская мантия. Он лишь приоткрыл один глаз, янтарный, полный глубокого, вселенского презрения к суете двуногих, медленно моргнул и снова его закрыл, проигнорировав нас полностью. Во втором загоне его собрат, более нервный, тяжёлой, упругой поступью прошелся вдоль толстых железных прутьев, издав низкий, гулкий, предостерегающий рёв, от которого у обоих аристократов дрогнули подбородки, и они невольно отступили на шаг. Но потом быстро оправились, заставив себя усмехнуться, как бы над собственной минутной слабостью.

А вот у загона молодой львицы, которую я звала Искрой за её характер и цвет шерсти, они замерли по-настоящему. Она не лежала. Она металась внутри ограниченного пространства, как чёрно-золотая молния, отскакивая от стен. Её гиб-

кое, мускулистое тело с размаху било в холодные металлические прутья с глухим, яростным стуком, от которого звенело в ушах. Золотистые, почти горящие глаза с вертикальными зрачками горели чистой, неразбавленной ненавистью ко всему миру за свою несвободу. Она рычала, не умолкая, низко и хрипло, обнажая длинные, острые клыки, с которых на солому капала слюна. Она была самым что ни на есть воплощением дикой, неукрощенной, бессмысленной ярости. И именно это, как я и рассчитывала, и приковало к ней жадные взгляды моих «гостей».

– Вот она, – тихо, почти про себя, сказала я, глядя на мечущуюся тень за прутьями. – Искра. Она никогда не подчинится. Никогда не привыкнет к клетке. Каждый её день будет войной на истощение. Вы уверены, что хотите именно этого?

– Да! – выдохнул тот, что с усами, и в его синих глазах вспыхнул неподдельный, диковатый восторг. Он был пьян от этой демонстрации силы, направленной в никуда. – Именно этого! Она… она великолепна в своей ярости!

Я смотрела на Искру, и в груди клубилось противоречивое чувство. Была боль, острая и щемящая, как от предательства. Но поверх неё лежал слой циничного, леденящего спокойствия, выработанного годами жизни на границе, где чувства часто проигрывают суровой арифметике выживания. Отправлять к ним старого Шерхана? Он был мудр и горд. Он бы зачах в неволе у таких хозяев, умер бы тихо, от тоски по своему каменному выступу и достоинству. От-

правлять другого самца? Тот, возможно, дождался бы своего часа и одним точным ударом лапы разорвал бы этих надушенных щеголей, что принесло бы мне лишь репутационные проблемы и мщение их семей. Но Искра… Искра была чистым, необузданным огнём. Она не сломается. Она не научится покорности. Каждый день она будет напоминать им, что они приручили не зверя, а бурю. И, возможно, в своём слепом, яростном безумстве она найдёт способ отомстить, вырвавшись или нанеся удар. А если и нет… то цена за её жизнь, эта нелепая сумма, позволит мне купить свежее мясо для всех обитателей зверинца на всю зиму, починить обветшавшие крыши загонов, может, даже выписать редкое снадобье для старой ламии, которую мучает артрит. Это позволит спасти ее и дать шанс другим.

– Хорошо, – сказала я, и в моём низком, обычно мягком голосе зазвенела холодная, отточенная сталь решимости. – Она ваша. Заплатите моему управляющему, у него всё готово. Зверя вы получите завтра на рассвете, в специальной прочной клетке для перевозки хищников. И ещё раз запомните моё предупреждение: она не игрушка. Она – живое, дышащее оружие. Обращайтесь с ней соответственно, если дорожите своими пальцами и больше.

Я резко развернулась на каблуке, подбитом железом, и пошла прочь, не дожидаясь их ответов, благодарностей или глупых шуток. Холодный, колючий ветер, гулявший по двору, ударил мне прямо в лицо, смывая последние остатки

утреннего тепла от чая и оставляя на коже лишь сухое, стягивающее ощущение чистоты. За спиной я слышала их возбуждённые, перебивающие друг друга голоса и яростный, неумолкающий, словно разрывающий глотку, рык Искры, который теперь звучал как саундтрек к моей маленькой измене. В сердце, под рёбрами, было пусто и холодно, как в этой каменной кладовой, где хранились летние припасы. Это была ещё одна из множества сделок с собственной совестью, на которые шла хозяйка пограничного замка. Но сегодня я, как мне казалось, выбрала не жертву, а воина. Того, у кого было больше всего шансов либо выжить, сохранив свой безумный дух, либо умереть в бою, не склонив головы. А золото… золото в этом мире не пахло кровью. Оно пахло углём для печей, зерном для лошадей, сушёным мясом и лекарственными травами. Оно пахло возможностями. Возможностью сохранить тепло для тех, кто уже доверил тебе своё беззащитное существование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.